

УДК 93/94

Ларюшкин О.В.*(г. Москва)*ИНОЭТНИЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ МОСКОВСКИХ ЦЕХОВ В 20–30 ГГ.
XVIII В.: ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Аннотация. Объектом исследования является иноэтничный элемент московских цехов. Предмет данной работы – этнические процессы, связанные с интеграцией цеховых ремесленников-иностранцев в городское сословие. В основе исследования лежит анализ неопубликованного архивного источника – Реестра Московских цехов 1729 г. Представленная в статье информация впервые введена в научный оборот. Проведя анализ по группам иноэтничного населения, а также по ряду социальных аспектов, автор сделал вывод об особенностях протекания этнических процессов среди цеховых ремесленников Москвы в 20–30 гг. XVIII в. *Ключевые слова:* ассимиляция, военнопленные, городские сословия, инородцы, мигранты, цеховые ремесленники, этнические процессы, этнос.

O. Laryushkin*(Moscow)*FOREIGNERS AMONG MOSCOW GUILD MASTERS IN THE 20-30s
OF THE XVIIITH CENTURY: ETHNIC PROCESSES

Abstract. The object of this article is foreign population of Moscow guild masters as an ethnic element. The subject of the research is the ethnic processes associated with the integration of foreign guild masters into the city community. The basis of the research is the analysis of the unpublished archival source – “Reestr Mockovskih tsekhov 1729” (the Register of Moscow guild masters). Represented information and the analysis of the source have been introduced into scientific use for the first time. Having done the analysis on the basis both of groups of foreigners and a number of social aspects, the author has made a conclusion about the specific features of ethnic processes in Moscow guild masters in the 20-30s of the XVIIIth century. *Key words:* assimilation, prisoners of war, city communities, foreigners, migrants, guild masters, ethnic process, ethnos.

Для Москвы со средневековых времен был характерен полиэтничный облик. О центрах сосредоточения иностранного населения города, таких, как Татарская, Немецкая, Панская и Мещанская слободы и др. упомянуто в коллективной монографии «История Москвы» [2, с. 170, 195, 472, 573].

Различными были обстоятельства их появления в Москве, сроки пребывания, вероисповедание, типы браков, проживание.

Данные факторы оказывали влияние на протекание этнических процессов в их среде. Ю.В. Бромлей в исследовании «Очерки теории этноса» так определяет это понятие: «Этнический процесс – это любое изменение того или иного компонента этноса» [1, с. 233]

В условиях становления сословной структуры российского общества в XVIII в. следует рассматривать этнические процессы иностранцев в сословном аспекте. В начале века столица была перенесена в Петербург, в связи с чем изменился и сословный облик Москвы, в том числе и проживающих в ней иноземцев: преобладало торгово-ремесленное население. Иноземцы могли участвовать в торговой, производственной деятельности, не прибоясь к городскому сословию. Следует отметить, что они были лишены ряда прав и льгот, поэтому часть из них записывалась в посадское население Москвы либо вступало в цех.

Основываясь на «Ведомости московской Ратуши о записавшихся в цехи в 1722-1726 гг.», советский историк С.И. Сакович определяет численность записавшихся в московские цехи в 6885 человек, из них иностранцы составляли ничтожный удельный вес (5,3 % – 365 человек) [4, с. 9]. Спустя три года, в 1729 г., была проведена повторная перепись, т.н. «Реестры Московских цехов 1729 г.». Данные по численности существенно различаются в этих двух источниках. Если удельный вес иностранцев в московских цехах на период с 1722 по 1726 г. был, по определению С.И. Саковича, «совсем ничтожный» – 5,3 % [4, с. 9], то на 1729 г. он становится еще ничтожнее – 2 % (226 лиц иноэтнического происхождения из 11444 ремесленников). Объект нашего исследования несколько шире: в него включены и российские инородцы.

В работе мы будем прибегать именно к данным Реестра 1729 г., т.к. они ещё не отражены в историографии. В нем есть сведения об имени, фамилии, национальности, месте исхода и проживания, принадлежности к цеху, а также информация о сыновьях, иногда о вероисповедании; однако остаются неизвестными данные о владении русским языком, о браках с представителями местного населения и о национальном самосознании каждого отдельно взятого ремесленника иноземного происхождения.

В основном у всех иноземцев указана этническая принадлежность, исключая 18 представителей (т. е. 8 %). Четырех из них можно отнести к немецкому этносу, исходя из этнономастических признаков¹. Они

¹ Подсчитано по: Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 308 (Московская Ратуша). Оп. 1. Д. 635. Реестр Московских цехов.

находились в Немецкой слободе. О происхождении остальных судить сложно, ввиду отсутствия этнономастических признаков, а также из-за дисперсного проживания в Москве.

Ремесленников родом из самостоятельных немецких государственных образований прибыло незначительное число – всего восемь человек.

Отличную от упомянутой выше категорию представляли остзейские немцы, территории проживания которых были присоединены в ходе Северной войны. Жители, захваченные в плен, поступали в услужение к русским дворянам и богатому посадскому населению. В основном брали малолетних детей, так как их было проще приобщить к русской среде. Впоследствии некоторых отпускали на волю, и они записывались в городские сословия. В категорию бывших шведских военнопленных следует также включить лиц шведского этноса и финно-угорских народов, представленных сравнительно меньшим количеством.

В Реестре числятся 33 бывших подданных Швеции. Из них шведы составляют 16 человек, иноземцы «новозавоеванных» городов – 15 и 1 карел.

У большинства представителей этой группы отсутствуют этнономастические признаки. Из них одна часть носила русские фамилии, другая – исконные (Янсон, Кригер, Молтрех и др.). Они поступали к иноземному населению и сохраняли этническое самосознание, вероисповедание, имя, фамилию и, возможно, язык. Одни проживали преимущественно в Немецкой слободе (семь из десяти), другие поступали в услужение к русским хозяевам, которые впоследствии крестили их в православие и давали им русские имена и отчества по имени крестного отца. Проживали они в русских слободах (в 18 из 20 случаев).

Самая многочисленная категория иноэтничного населения московских цехов – польские выходцы, 127 «поляков» и два еврея². Их миграции способствовали, во-первых, экономический упадок Польши, вызванный нестабильной политической системой и Северной войной, охватившей в основном её северо-восточную часть, территорию современной Беларуси; во-вторых, национальный и конфессиональный гнёт по отношению к православному и униатскому населению.

О преобладании среди них белорусского населения говорят данные о месте исхода. С территории современной республики Беларусь прибыло 10 (из 34 с упоминанием места исхода), 9 – из Вильно, 7 – из

² Подсчитано по: РГАДА. Ф. 308 (Московская Ратуша). Оп.1. Д. 635. Реестр Московских цехов.

российских на тот момент городов (Смоленск, Трубчевск). Что касается мигрантов из исторически польских территорий, то всего лишь трое прибыли из Варшавы. Можно предположить, что значительная часть польского населения, проживавшего в Москве в первой трети XVIII в., была русифицирована.

О факте обрусения польских выходцев свидетельствуют ономастические данные. Большая часть не имела фамилии, а имена, упомянутые в Реестре, не носят характерных признаков полонизации.

Лишь небольшая часть – 12 человек – имела фамилии, характерные для польского этноса (Бировский, Бобыльковский, Бубневский, Животкевич и др.), пятеро ремесленников – фамилии-этнонимы (трое Пановых и двое Поляковых).

Быстрая ассимиляция объясняет исчезновение такого очага пребывания польского населения, как Мещанская слобода, заселенная пленными солдатами русско-польской войны 1654-1667 гг. [2, с. 472]. В 20 – 30-е гг. XVIII в. на её территории проживало всего 11 ремесленников-поляков (менее 10 %). Другим небольшим очагом пребывания польского населения являлась Немецкая слобода – всего восемь человек³. Основная же масса польских уроженцев существовала дисперсно.

Перечисленные выше факторы свидетельствуют о положительной тенденции к укоренению польского населения в Москве.

Выходцы из Османской империи среди московских цеховых мастеров представлены сапожником греком, «цареградцем» Николаем Никитиным, и цирюльником «валашской нации» Битюговским Иваном Петровым.

Цеховых мастеров из российских инородцев – 15 (12 татар и трое калмыков). Записываться в городские сословия и пребывать постоянно в городе могли принявшие православие⁴. В Москве они проживали рассредоточенно. Фамилии имела половина: три – без отличительных этнономастических признаков (Крестовщиков, Пахомов, Рагозин), три – носят татарский оттенок (Шабаев, Тумин) и одна фамилия прямо указывает на происхождение – Татаринов.

В московских цехах представлены 8 черкасов (т.е. украинцы) и один «яицкий казак», которых можно объединить в категорию российских субэтносов. Они проживали дисперсно.

В цехах иноземцы представлены неравномерно. Самая высокая абсолютная численность отмечена в сапожном цеху – 91 человек, хотя

³ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 308 (Московская Ратуша). Оп. 1. Д. 635. Реестр Московских цехов.

⁴ ПСЗ. Т. 3. № 1585.

удельный вес их внутри цеха невысокий – 5,9 %⁵ и уступает удельному весу малочисленных инородцев в живописном – 17 % (4 человека), золотого мастерства – 21 % (3 человека). В золотом и серебряном, живописном цехах, как правило, состояли западноевропейцы, а в сапожном, портном, цирюльном – в основном поляки.

Данные по типу проживания различны в зависимости от национальной принадлежности. Западноевропейцы находились в иноземной среде, а мастера из остзейских немцев, прибывшие из военнопленных, снимали и владели дворами в русских слободах (примерно две трети). Польские уроженцы, российские инородцы и субэтноты проживали дисперсно.

Важным показателем укоренения и интеграции в русскую среду иноземца является наличие семьи, т. к., во-первых, это способствовало оседлости, а во-вторых, последующие поколения были более склонны к дальнейшему обрусению. Лишь в 13 из 166 (т. е. в 7 %) случаев у мастеров иноземного происхождения упомянуты сыновья.

Заметны различия удельного веса семейных среди разных групп национальностей. Самый большой удельный вес вступивших в брак наблюдается среди немцев. У них же отмечается наличие многодетных семей. У уроженца цесарской земли Ивана Дурного было двое сыновей, у бывшего военнопленного, уроженца г. Штеттина в Померании, Якова Молтреха – трое. Оба проживали своим двором в Немецкой слободе⁶.

Итак, в иноземном населении московских цехов в основном преобладали польские выходцы, мигранты с территории Беларуси (55 %), в меньшей степени представлены западноевропейцы (около 15 %), пленные солдаты Северной войны (15 %). Незначительную часть составляли выходцы из Османской империи, российские инородцы и субэтноты (в совокупности 15 %)⁷. Успешность ассимиляционных процессов по ряду факторов объясняется преобладанием представителей «польской нации», достаточно близких в культурном плане к российскому этносу. Кроме того, мастера из шведских подданных также утрачивали этнические признаки, за исключением поступивших в услужение к жителям Немецкой слободы. Российские инородцы, состоящие в городском сословии, могли быть только православными, что исключало развитие диаспоры. В целом наблюдается слабая выраженность этнических

⁵ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 308 (Московская Ратуша). Оп. 1. Д. 635. Реестр Московских цехов.

⁶ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 308 (Московская Ратуша). Оп. 1. Д. 635. Реестр Московских цехов.

⁷ Там же.

признаков, таких, как сосредоточение в отдельных районах Москвы и преобладание в цехах, наличие этнономастических признаков. Отсутствие данных о вероисповедании, возрасте мастеров, дат прибытия их в цех также является серьёзным пробелом в изучении процесса укоренения.

Литература:

1. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. – М., 2009. – 412 с.
2. История Москвы в 6 томах. – Т. 1. – М., 1952–1959. – 689 с.
3. *Ковригина В.А.* Немецкая слобода и её жители в конце XVII – начале XVIII в. – М., 1991. – 381 с.
4. *Сакович С.И.* Московские ремесленники 20 гг. XVIII (К истории формирования промышленного населения Москвы). – М., 1954. – 17 с.